
Андрей КРАСНОВ

ИЗ НЕИЗВЕСТНОЙ ИСТОРИИ

КРАСНОГО СЕЛА

(Как была обретена

красносельская святыня)

Бывшая императорская военная резиденция Красное Село и его окрестности имеют богатейшую и интереснейшую историю, не менее значительную, чем у других императорских резиденций близ Петербурга. Однако в силу ряда субъективных причин эта история, к сожалению, до сих пор была очень мало исследована. Образно говоря, опубликованные сведения представляли собой лишь верхушку айсберга, основная масса которого скрыта в морской бездне. Более того, многие из известных сведений искажены и обросли мифами, затмевающими истину. Открыть подводную часть айсберга и очистить его верхушку — решение этих задач необходимо. Первым шагом на данном пути может стать готовящаяся к изданию книга «Неизвестная история Красного Села и его окрестностей (маневры, достопримечательности, выдающиеся люди)». Ее материал основан только на документах, ранее неизвестных. Предлагаем вашему вниманию один из фрагментов книги — об истории обретения красносельской святыни, Явленного Образа.

В 1800 году Красное Село обрело свою святыню — чудотворную икону с изображением Святого Симеона Богоприимца, держащего на руках младенца Иисуса Христа. Явленный Образ, как его называли, был помещен в Троицкую церковь Красного Села, затем находился в Александро-Невской церкви, а в 2016 году был перенесен в новую церковь, построенную на месте его явления, — в церковь Чудотворной иконы Святого Симеона Богоприимца. «К иконе этой <...> не охладело благоговейное усердие и не оскудело число притекающих православных христиан с верою и надеждою получить от нея какое либо исцеление или утешение»¹.

Приведенные в исторической литературе сведения об истории обретения красносельской святыни являются краткими, далеко не полными и содержащими ошибки. Литературные сведения о Явленном Образе содержатся в следующих трех источниках: 1) Публикация приказа Павла I в «Русской старине» 1882 года издания; 2) Статья А. Румянцева в сборнике 1884 года; 3) Книга П. Дмитриева 1908 года. Сообщения всех про-

Андрей Александрович Краснов — петербургский исследователь. Опубликовал более 30 научных статей по истории и культуре Петербурга, Петербургской и Выборгской губерний, автор книги «Кутузов в Выборге (по неизвестным ранее письмам полководца)» (СПб.: «Журнал “Нева”», 2015).

¹ Дмитриев Петр, диакон. Очерк Красносельской Троицкой церкви и ее прихода ко дню 175-летнего юбилея. СПб., 1908. С.15.

чих историков позаимствованы из работ А. Румянцева и П. Дмитриева, без добавления чего-либо нового; никто после 1908 года не обращался к архивным данным.

Начнем с критического обзора исторической литературы. В журнале «Русская старина» 1882 года (том 33, январь) опубликованы некоторые повеления и указы императора Павла I; один из них — от 15 мая 1800 года. В тот день из Павловска к военному губернатору Петербурга П. А. Палену был направлен приказ от Государя. Написанный на немецком языке, он в переводе на русский язык имел такое содержание:

Господин генерал от кавалерии фон-дер-Пален. Из донесения одного чиновника императрице я узнал о следующем происшествии в Красном Селе. В одном месте там провалилась земля и вскоре образовавшееся отверстие наполнилось водою; это привлекло множество народу, не только живущаго в этой местности, но также из Гатчино и С.-Петербурга; который вечером разошелся, а на следующий день снова собрался, при этом на воде оказался плавающий образ, который и был отнесен народом в церковь в Красном Селе. Обо всем этом приказываю вам собрать подробныя сведения, и не теряя времени с умом принять соответственныя меры и обо всем мне донести. К вам благосклонный

Павел.
15 Мая 1800 года.
Павловск².

Таким образом, 15 мая 1800 года Павел I не принимал решения относительно Образа, а только приказывал Палену собрать сведения, принять надлежащие меры и донести. Однако в публикациях по истории красносельской Троицкой церкви А. Румянцева и П. Дмитриева утверждается иное. В статье А. Румянцева 1884 года говорится: «Икона св. Симеона Богоприимца с Предвечным младенцем, поступившая сюда по повелению Императора Павла I, данному 15 мая 1800 года генералу от кавалерии фон-дер-Палену (см. Русская Старина, 1881 г., январь, стр. 193)»³. Автор статьи 1884 года удивительно невнимательно прочитал помещенный в «Русской старине» приказ и сильно исказил его смысл.

В книге П. Дмитриева 1908 года издания читаем: «Из надписи, учиненной на левой стороне сего образа видно, что онный поступил в церковь 15 мая 1800 года, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I, данному Генерал от Кавалерии фон-дер-ПАЛЕНУ (см. Русская Старина 1881 г. Январь, стр. 193)»⁴. П. Дмитриев переписал ошибку своего предшественника, даже вместе с опечаткой (1881 год, а должно быть 1882 год), из чего следует, что он не удосужился посмотреть первоисточник — «Русскую старину» 1882 года. Дмитриев упоминает, впрочем, и о некой «надписи, учиненной на левой стороне сего образа», почему-то сославшись тут же на «Русскую старину», которую не читал. Если надпись на стороне Образа содержала то же, что и в статье Румянцева, то это значит, что надпись была сделана по прочтении статьи 1884 года кем-то из служителей Троицкой церкви. Отметим и курьез: фамилия «Пален» набрана в книге 1908 года издания прописными буквами, использовавшимися только при наборе имен царствующих особ.

Все последующие историки, как и П. Дмитриев, и не подумали обратиться к первоисточнику и один за другим штамповали ошибку 1884 года — о том, что ико-

² Император Павел Петрович. 1800—1801. Высочайшия повеления и указы с.-петербургским военным губернаторам // Русская Старина. Т. XXXIII. 1882. Январь. С. 193.

³ Румянцев Александр, свящ. Троицкая церковь в Красном Селе // Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Выпуск восьмой. СПб., 1884. С. 414.

⁴ Дмитриев Петр. Указ. соч. С. 13.

на поступила в храм 15 мая 1800 года якобы по повелению Павла I, данному Палену⁵. А ведь когда речь идет об истории одной из православных святынь, то такие огрехи недопустимы...

П. Дмитриев в своей книге далее, после фразы об «учиненной надписи», сообщает следующее: «В архиве церкви точных данных о сем образе не имеется; но частным образом и по некоторым бумагам известно, что образ сей найден был 11 Мая 1800 года в 7 час. утра на правой стороне дороги, выезжая из Павловской слободы в С.-Петербург, вблизи оной слободы, у подошвы бугра, на пашне крестьянина Василия Кислякова, где тогда земля, поднявшись на сажень, вследствие сильного напора ключа воды, разметалась весьма большими глыбами по сторонам, образовала большую и глубокую водоемину. В этой то водоемине и был найден этот образ.

Народ, увидев в воде образ, принял это за особое к ним от Бога милосердие и об этом дал знать местному приходскому духовенству, которое без спроса и ведома Епархиального Начальства, взяло образ и с торжественным крестным ходом, при многочисленном стечении всего прихода, водворило в церковь. Разумеется, по действующим законоположениям и по резолюции Митрополита Амвросия, священники лишены были мест и запрещены в священнослужении, а церковь и приход поручены другим; но так как эти священники находились в имении ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, то Консистория от 16 Мая 1800 года за № 1285, предлагала на обсуждение ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ чрез Павловское Городовое Правление „где по сему делу попы следованны и судимы быть должны и о принятии мер к прекращению злоупотребления и разглашения об образе“. На это правление тогда же уведомило Консистирию, что требование оной всеподданнейше доложено было ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ и по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению образ приказано оставить в Красносельской церкви, а о прочем ответствение Консистория получит от г. Генерал-Прокурора. В чем состояло это ответствение неизвестно, также как и кто именно были тогда Священники, сведений в церковном архиве нет»⁶.

П. Дмитриев не заметил противоречия между двумя собственными сообщениями — о том, что Образ «водворило в церковь» местное духовенство 11 мая или на следующий день, и о том, что «онный поступил в церковь 15 мая... по... повелению... ПАВЛА I». Фраза «священники лишены были мест и запрещены в священнослужении» начинается с вводного слова «разумеется», то есть подразумевается, предполагается в мыслях, оставаясь невысказанным. Дмитриев так решил на основании документа с запросом Консистории от 16 мая: «где по сему делу попы следованны и судимы быть должны», хотя ниже написал, что на этот запрос «ответствие неизвестно, также как и кто именно были тогда Священники». Следовательно, то, что он счел «разумеющимся», таковым не является.

⁵ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996. С. 352 (текст из первого, 1889 года, издания). С. 459 (текст из газетной публикации 1898 года). Максинков Т. Красносельский Свято-Троицкий храм // Русский паломник. Т. XXIII. СПб., 1908. № 50. С. 810. Юркова З. В. Архитектурно-ландшафтный анализ планировки ансамбля Красного Села и Дудергофа // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. Выпуск 4. СПб., 1997. С. 188. Юркова З. В. Архитектурно-ландшафтный анализ планировки ансамбля Красного Села и Дудергофа // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. СПб., 2007. С. 52. Берташ А. В. Соборная церковь Пресвятой Троицы в Красном Селе // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. Выпуск 5. СПб., 2000. С. 83. Берташ А. В. Троицы Пресвятой церкви (Красное Село) // Три века Санкт-Петербурга. Т. I. Осмнадцатое столетие. Книга вторая. Н—Я. СПб., 2001. С. 427; 2-е изд., испр. СПб.—М., 2003. С. 427. Берташ А. В., свящ. Действующие храмы Красного Села // Очерки истории Красного Села и Дудергофа. СПб., 2007. С. 175.

⁶ Дмитриев П. Указ. соч. С. 13—14.

В 2006 году, почти через сто лет после выхода в свет книги Дмитриева, один из публицистов назвал эту книгу «документом, недостаточно обследованным», но «обследовать», то есть провести проверку, не попытался. По его словам, «начальство, как водится, обиделось, наказало священников и собиралось сделать то же с иконой»⁷.

Завершив критический обзор литературы, расскажем, по архивным документам, «в чем состояло ответствение» генерал-прокурора, неизвестное П. Дмитриеву, были ли «наказаны» тогдашние красносельские священники и «кто именно» они были (архивные сведения, ранее не публиковавшиеся, выделены в дальнейшем тексте курсивом).

20 мая 1800 года генерал-прокурор П. Х. Оболянинов отправил петербургскому архиепископу (которого П. Дмитриев неверно назвал «митрополитом») вышеупомянутое «ответствие». Сохранился его черновик со множеством исправлений (зачеркнутых слов). Вот текст этого черновика:

*Павловское городовое правление уведомило меня, что консистория вашего преосвя
Сп: бургская дошло до сведения моего сообщила ему, что послушая найденного павлов-
скими крестьянами близ слободы образа сретения Господня, ваше Преосвященство
изволисте положить на Церковно-служителей Софийскаго уезда церкви живоначаль-
ная Троицы, что в селе красном, запрещение в служении зато, что они образ сей вы-
нув из источника, а освящением воды оный и отнесли в церковь молебны, требует
уведомления, где судимы они быть должны. Я быв извещен о самых обстоятельствах
где произшествия сего, долгом моим поставляю сообщить вашему преосвященству,
что оно уже сделалось сведомым Ея величеству Государыне Императрице и от Ея ве-
личества донесено и Государю Императору, соизволившему принять сие с благово-
лением; а потому засим кажется и немогут церковно служители подвергнуты быть ни
суду ни запрещению, но в прочем все сие тем более что по учиненному на месте след-
ствию ни умысла представляю благоусмотрению ваш преосв с их стороны, ни не-
обыкновенных церемоний при взятии образа, кроме водоосвящения не было. Что ж
касается до того где по делу сему быть следованы и быть кому оные могут подсуди-
мы, то должны в. в. известно, что наше отзываются тем, что по делам духовным все
духовенство в росии церковным, без посредственно подлежит ведается в Синоде
и консисториях ни суду Епархиальной консистории, а по светским подвержены отче-
ту городского Правления мирским и земским в гражданских правительствах. В крас-
ном же селе ведомы они по сей части Павловскому городовому правлению в непосред-
ственном управлении Ея И. величества состоящему.*

Павловск.

Маия 20 1800

Его высокопр. Архиепископу Амвросию.

Следовательно, утверждение П. Дмитриева о том, что «священники лишены были мест и запрещены в священнослужении, а церковь и приход поручены другим», является неверным. Амвросий лишь предполагал так поступить, но не сделал этого, а обратился с запросом к императрице Марии Федоровне. Павловская слобода, возле которой был найден Образ, входила в состав Красного Села, принадлежавшего императрице и находившегося в ведении правления города Павловска. Поэтому запрос был послан через Павловское городовое правление. Мария Федоровна сообщила о случившемся Павлу I, а тот велел Палену провести расследование. Узнав результаты расследования, император «принял с благоволением» помещение Образа в церковь.

Заметим, что Государь Павел был глубоко религиозным человеком. Так, за два года до события в Красном Селе, 9 июня 1798 года, Императорская фамилия, прибывшая к этому дню в Тихвин, участвовала в перенесении знаменитой чудотворной Тихвин-

⁷ Гужиева Н. В. Церкви Красного Села и Дудергофа. Красное Село, 2006. С. 27.

ской иконы Божьей Матери из одного храма в другой. Тихвинскую икону несли Павел Петрович и его старший сын Александр Павлович. Рядом с ними шли Мария Федоровна и Константин Павлович. Явление нового чудотворного образа в имени его супруги глубоко взволновало Павла. Но сначала он, что совершенно правильно, велел «собрать подробныя сведения» и ему «обо всем донести».

Оценить же законность действий священников надлежало генерал-прокурору. П. Х. Оболянинов счел, что «*кажется и не могут церковно служители подвергнуты быть ни суду ни запрещению*», о чем и уведомил Амвросия.

На следующий день, 21 мая, Амвросий послал Оболянинову ответное письмо:

Высокопревосходительный Господин!

Милостивый государь мой!

На отношении вашего высокопревосходительства от 20го числа сего мая, последовавшее по поводу сообщения от Санктпетербургской Консистории в Павловское Городовое правление, имею честь уведомить, что священники Села Краснаго послучаю зделанной ими церемонии с найденным близ онаго образом по силе законов подлежали суду и запрещению, есть либ при следствии оказались виновными в умысле ложно очудотворить оный; но когда уже ваше высокопревосходительство, быв известны о самых обстоятельствах происшествия сего, уведомляете меня, что оно уже зделалось сведомым ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ и от ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА донесено ГОСУДА-РЮ ИМПЕРАТОРУ соизволившему принять сие с благоволением; потому те с<вя>-щенники, как еще суду и запрещению яко необследованные подвергнуты небыли, так яко уже по учиненному на месте следствию в умысле с их стороны виновными непризнанные, более ничем судимы небудут. О чем известя ваше высокопревосходительство с совершенным высокопочитанием честь имею быть:

вашего высокопревосходительства

Милостиваго Государя моего

Всепокорный слуга

Амвросий Архиеп<ис>к<о>п С.пбургский

№ 119^а.

Маия 21го дня

1800 года

Его высокопревосх^{ств} Г^{вн} Генералу

Прокурору и кавалеру Оболянинову.

В данном письме Амвросий сообщает о том, что «*те священники... еще суду и запрещению... подвергнуты небыли... судимы небудут*». Теперь уже окончательно можно сказать, что их не «наказали» и оставили служить в красносельской Троицкой церкви.

Перенесение иконы от места ее явления с крестным ходом в церковь не стало считаться самовольным поступком и нарушением церковных правил. Примечательна в связи с этим фраза из одного из рапортов управляющего Красносельской вотчиной императрицы Федора Алопеуса: «*...в селениях оной [вотчины] в истекшем мае мце [1800 г.] ничего особаго внимания достойнаго не случилось, порядок и тишина везде наблюдается...*» Странно, что управляющий не счел «*достойным внимания*» явление Образа; по видимому, он написал так потому, что обычно рапортовал о пожарах, прибытии воинских команд и других событиях, расстраивавших обычный порядок. Поскольку же перенесение иконы было принято императором «с благоволением», то управляющий не стал включать сообщение об Образе среди отчетов о том, что нарушало «*порядок и тишину*».

А священнослужители, заслуга которых состоит в том, что они обрели (а может быть, и спасли) красносельскую святыню, должны войти в историю Русской православной церкви. Назовем их имена: старший священник Стефан Феодоров, младший

священник Николай Яковлев и дьякон Яков Иванов. В таком составе они (все трое) служили в красносельской Троицкой церкви в 1798—1801 годах. В 1801 году о всех троих была сделана такая запись:

По формулярной за 1800^й год ведомости показаны: священники Стефан Федоров 78^л Николай Яковлев 37^л дьякон Яков Иванов 37^л лет, в чтении искусны, к чтению поучений способны, катихизис таинства и обязательства знают, по ноте петь умеют, состояния добро. Учились в семинарии Стефан риторике, Николай философии, а дьякон поэзии природою. Священник Стефан священнической сын находился при церкви Села красного дьячком и дьяконом, а в 1759^м году по выбору прихожан произведен во священника. Священник Николай священнической же сын находился диаконом в Воцком погосте в селе Александрове и города Софии в Софийском соборе, в 1794^м посещен во священника в Воцком погост, а из онаго в село Красное переведен он Яковлев в 798^м году Июля 3 дня по Высочайшему Ея Императорскаго Величества на представление покойнаго преосвященнаго митрополита [Гавриила] соизволению. Дьякон Яков диакономской сын находился в Боровицком Духове мнтре псаломщиком, в 1786^м посещен в город что ныне село Рождествено во диакона, а в 790^м году определен в село Красное. В семействе имеют как по исповедной за 1800^й год росписи показано: священник Стефан жену, священник Николай жену и детей Симеона 4^х Татьяну 5^м Веру 2^х лет Марью 1^ю года, дьякон жену дочерей Марью 4^х Параскеву 2^х лет.

Теперь расскажем о каждом из троих священнослужителей в отдельности.

Стефан Феодоров родился в семье священника, учился в Духовной семинарии (специализируясь на риторике), после чего стал служить в красносельской Троицкой церкви сначала дьячком, потом дьяконом. Точные даты его рождения и начала службы в Красном Селе назвать нельзя, ибо имеющиеся сведения противоречивы. По формуляру 1800 года, ему было 78 лет, то есть он родился в 1722 году. Но в 1799 году Феодоров писал о себе, что «*проступил*» за 70 лет, а в Красном Селе находится 50 лет, то есть ему было немногим более 70 лет, а с 1749 года он служил в Троицкой церкви. Видимо, 70 и 50 — это округленное число лет. В 1805 году Феодоров был более точен, упомянув о «*54-х летней моей приздеишной цер<к>ви службе*», то есть с 1751 года. Наиболее вероятно, что он родился около 1728 года, а в возрасте 23 лет стал дьячком в Красном Селе (в 1751 году).

В 1759 году Феодоров «*по выбору прихожан произведен во священника*». В этом сане он служил в Троицкой церкви не менее 49 лет, так как в 1808 году еще был жив и оставался тамошним священником.

В 1800 году Феодоров проживал вдвоем с женой; о его детях в росписи того года не говорилось. Но в сентябре 1805 года он не упоминал о жене (видимо, она скончалась между 1800 и 1805 годами), а писал, что проживает вместе с дочерью и тремя внуками: «*Имею присебе подвух кратном нещастном замужестве овдовешию стремя малолетными детми родную мою дочь попоследнем муже титулярную советницу Елизавету Черскую в весьма бедном состоянии*».

С 1763 года Феодоров жил в доме «*в Братошинской слободе против церкви*», но к 1805 году дом этот «*пришел в весьма ветхое положение*». Престарелый священник обратился тогда к красносельским властям: «*вместо котораго [дома] и вознамерился я выстроить вновь другой идабы ипосмерти моей упомяная дочь моя смалолетними ея детми могла во оном безкакого либо притеснения иметь жительство и садом пользоваться*». Разрешение на постройку было дано, и к октябрю 1807 года новый дом построен. 23 декабря 1807 года императрица Мария Федоровна дала согласие на владение им дочерью священника после его смерти.

Вместе со Стефаном Феодоровым в течение одиннадцати лет служил дьякон Яков Иванов. Он родился в 1763 году в семье дьякона, учился в семинарии (его специализа-

ция — поэзия) и начал службу псаломщиком в Свято-Духовом монастыре близ города Боровичи Новгородской губернии. С 1786 года он служил дьяконом в Рождестве Петербургской губернии, а с 1790-го по 1801 год — в Красном Селе. В 1798 году тяжело заболел (и в том же году скончался) второй красносельский священник Василий Петров. Местное начальство полагало назначить на его место Иванова, «*которой в его сане тринадцатой год находится беспорочно <...> прихожане ж его дьякона принять восвященники желают*». Однако по резолюции митрополита Гавриила на смену Петрову определили не Иванова, а священника Николая Яковлева из Новгородского уезда. По-видимому, с того времени у Иванова и возникла неприязнь к Яковлеву, приведшая к конфликту между ними прямо в церкви 3 августа 1801 года. После этого инцидента оба они (в ноябре 1801 года) были переведены из Красного Села в другие места. Иванова назначили во Введенскую церковь на Петербургской стороне Санкт-Петербурга. В феврале 1811 года Иванов служил во Введенской церкви уже в сане священника, а также являлся депутатом.

В 1800 году семья Иванова состояла из его жены и двух дочерей — четырехлетней Марьи и двухлетней Параскевы. В Красном Селе дьякон Яков проживал в собственном доме рядом с Троицкой церковью, с ее северной стороны.

Наконец — о Николае Яковлеве. Он, как и Иванов, родился в 1763 году, но в семье не дьякона, а священника. В семинарии Яковлев особо занимался философией. По окончании учения он служил дьяконом в селе Александрове Воцкого погоста Новгородского уезда, а затем — в Софийском соборе города Софии Петербургской губернии. В 1794 году снова вернулся в Воцкий погост, но уже в сане священника. 3 июля 1798 года по резолюции митрополита Гавриила был, как уже говорилось, определен в красносельскую Троицкую церковь.

Через год, в июле 1799 г., Красносельской вотчины староста Иван Митрофанов и «*прочие старшины и приходские люди*» письменно отозвались, что священником Яковлевым «*мы нижеподписавшиеся прихожане весьма довольны*». Новый священник сумел расположить к себе крестьян — прихожан церкви, но вызывал недовольство у других священнослужителей — старшего священника Стефана Феодорова и дьякона Якова Иванова, а также и у управляющего Красным Селом Федора Алопеуса. Иванов, как мы уже отмечали, по-видимому, изначально невлюбил Яковлева, а других раздражали его неспокойный характер и претензии на приобретение в Красном Селе собственного дома. 3 августа 1801 г. в самой Троицкой церкви произошел конфликт между Яковлевым и Ивановым.

Управитель Федор Алопеус «*описывает происшествие сие следующим образом, что диакон Иванов пришед пред всенощным в церковь увидел священника Николая служащего посреди церкви у образа мирские молебны, вошел в алтарь и надел стихарь вышел священнику на помощь. Но сей неприличным для церкви образом с огорчением спрашивал, как он осмелился без благословения оной надеть? жалуюсь притом народу что во вред своего здравия служит всегда один...»*

А вот как рассказал о произошедшем сам Яковлев: «*...августа 3 числа не пред всенощным бдением, а после вечерни подлинно он Яковлев пришедшим богомольцам молебны служил не посреди церкви, а у праваго крылоса, где образ стоит святого Симеона богоприимца. И во время начатия втораго молебна диакон пришедши в церковь и взошел в алтарь надел на себя стихарь и вышел к нему священнику на помощь. Которому диакону сказал он священник со всякою благопристойностию, что он не меняет его в служении, чрез что он священник лишается здоровья и притом выговорил, что не следовало бы ему диакону стихаря надевать без благословения священническаго. На что диакон с великим озартом вскричал ему священнику, что ты своим благословением то мне зубы разбил. Что слышал и псаломщик Артемий Антонов. Озартным же и неприличным образом для*

церкви божией на него диакона как прописано в его показании он священник не кричал и народу, что якобы он диакон занимается торгами не говорил...» Иванов в своем показании оправдывался тем, что «он взял уже благословение у другаго священника...»

Такая неприличная для храма сцена разыгралась «у праваго крылоса, где образ *святита Симеона богоприимца*»... За год до того священнослужители Николай и Яков с благоговением несли Образ Симеона в храм, возглавляя крестный ход. Повторим, что в этом их заслуга перед Русской православной церковью. Они заслужили о себе добрую память. И не так важно, что ими порой овладевали не подобающие их сану страсти. Об исторических личностях (а данных священнослужителей теперь можно считать таковыми) нужно судить в первую очередь по тому, какой они оставили след в истории...

Высшее духовенство правильно рассудило, что оба участника конфликта не должны оставаться в Красном Селе. В ноябре 1801 года Санкт-Петербургская духовная консистория решила перевести Яковлева «на имеющуюся при Шлюссельбургском соборе священническую ваканцию». Но вскоре, не позже мая 1802 года, Яковлев получил место не в Шлиссельбурге, а в Рыбачьей слободе на левом берегу Невы. Там он стал священником в церкви Покрова и оставался им еще в 1805 году.

В Красном Селе священник Николай более полутора лет «скитался по наемным квартирам», пока не купил дом у вдовы умершего священника Василия Петрова, сына Краснопевкова. В доме этом ему довелось прожить лишь несколько месяцев.

В 1800 году у Яковлева и его жены было четверо детей: сын — четырехлетний Симеон и три дочери — Татьяна пяти лет, Вера двух лет и Марья одного года. Крестной матерью родившейся в сентябре 1798 года Веры была сама императрица Мария Федоровна. Об этом мы узнаем из письма Николая к Государыне:

Ваше Императорское Величество!

Всемиловитейшая Государыня и Императрица.

Во Всевысочайшее присутствие Вашего Императорского Величества в селе Красном прошедшаго 1798 Года Сентября 30 дня на случай новорожденной моей дщери именуемой Веры, открылось особенное благоволение Вашего Императорского Величества соизволить указать оную породить водою и духом; почему и ныне повергая себя пред стопы Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу благоволить соизволить указать о удостоении равномернаго ж частия в крещении и новорожденную сего 1800 года месяца марта 23 дня дщерь мою Марию.

Вашего Императорского Величества

Всеподданнейший раб и богомолец

от 29 Марта

1800 года.

Села Краснаго цркви живоначальныя Трцы священник

Николай Иаковлев.

Отец Веры ошибся, написав, что ее крещение состоялось 30 сентября; в действительности оно произошло на один или два дня раньше, ибо Мария Федоровна находилась в Красном Селе 28 и 29 сентября 1798 года. Сведений о ее пребывании там в 1800 году нет; похоже, что императрица не соизволила крестить Марью, но, что точно, она велела выдать отцу новорожденной сто рублей.

Насколько велика была эта сумма, можно судить по следующим сведениям: в 1797 году при красносельской Троицкой церкви находилось два священника с денежным жалованьем по 50 рублей в год, один дьякон (30 рублей в год), два дьячка (по 12 рублей), просвирня (10 рублей). Но помимо денежного жалованья они получали еще и хлебное. Священниками тогда были Стефан Федоров и Василий Петров (предшественник Николая Яковлева), дьяконом — Яков Иванов.

Рассказав о священнослужителях, принесших Образ Симеона в храм, перейдем к самому Образу. По Евангелию от Луки, младенец Иисус Христос в сороковой день после рождения был принесен родителями в Храм. Туда по вдохновению пришел и старец Симеон, которому «было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня». Симеон взял младенца Иисуса на руки и сказал: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром; ибо видели очи мои спасение Твое...» Встреча (сретение) Симеона с Христом — Сретение Господне — один из двенадцатых христианских праздников, приходящийся на 2 февраля (15-е по новому стилю). Согласно канону христианской живописи, в образах Сретения обычно изображаются Симеон с Иисусом, родители Иисуса и Анна Пророчица («она в то время, подойдя, славилась Господа и говорила о нем всем»). Симеона показывают склонившимся в левую от зрителя сторону и опустившим лицо к младенцу, лежащему на его протянутых руках.

Красносельский же Образ необычен и не отвечает традиционному канону. Здесь изображены только Симеон с Иисусом, причем Симеон показан не во весь рост, а по пояс. Он не склонился, а несколько наклонил голову и не в левую, а в правую от зрителя сторону. Младенца Симеон держит перед грудью, правой рукой поддерживая его снизу, а левой — сбоку. Младенец не лежит, а сидит со свитком ученья в руках. Данная композиция напоминает знаменитую икону Богоматери Одигитрии с младенцем, но вместо Богоматери находится Симеон. Необычное, своеобразное решение красносельской иконы говорит о том, что ее автор не следовал жесткому канону и, по-видимому, не являлся иконописцем, работавшим при крупном иконописном центре, а, скорее всего, был провинциальным сельским живописцем. Исполненный без высокого профессионализма, но трогательный в своей простоте и вызывающий чувство благоговения Образ стал особенно угоден Богу и был явлен в Красном Селе, получившим свою святыню.

Икона написана в архаичном, допетровском стиле — вполне возможно, не в XVIII веке, а ранее. Она очень потемнела от времени, невелика по размеру — высотой около 19 см.

23 августа 1802 года императрица Мария Федоровна вместе с сыном — Александром I посетила красносельскую Троицкую церковь, где «соизволила слушать молебен, отправленный по ЕЯ повелению явленной иконе С<вято>го Симиона Богоприимца и по благо<го>вейному почитанию Божия Угодника к святой его иконе соизволила привесить имевшийся тогда у ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА на руке бриллиантовый перстень»...

О дальнейшей истории Явленного Образа и о многом другом вы, уважаемый читатель, можете узнать в книге «Неизвестная история Красного Села и его окрестностей».